ПРОФЕССОР ШЕРЕШЕВСКИЙ

Валентин Брамбилла

Я иду по Базарной, поворачиваю налево на Ремесленную. Проходя мимо углового дома, задерживаю взгляд на четырех окнах первого этажа. И с горечью осознаю, что по моей вине ушла часть знаний о человеке, составлявшем славу нашего города. Эти знания ни по каким книгам и справочникам не восстановить.

И, победив дремучую лень и опасения не справиться с задачей, решаю записать все, что еще не забыл...

В эту квартиру, почти ничего не зная о ее хозяине, вошел я однажды в середине 70-х годов. Квартира была большая, удобная, с двумя входами: один из парадной, второй со двора прямо в кухню. Здесь проживал **Илья Вениаминович Шерешевский** с женой Анной Петровной Грязновой.

"Жан Габен в миниатюре"

В одной из комнат обычно проживал кто-то из сотрудников университета, а в бывшей комнате прислуги жила соседка, появлявшаяся довольно редко.

Старинные мебель, люстры, часы, картины (была среди них и работа Кандинского), портрет Анны Николаевны Дерибас, мумия в ящике за стеклом, чучело крокодильчика, обилие редких книг – все это давало определенный настрой посетителям.

Илья Вениаминович, как всегда, был одет в рубашку с галстуком и домашний пиджак. Был он небольшого роста, с густыми седыми волосами, чем-то напоминал Жана Габена в миниатюре.

Беседа наша была построена так, что я не ощущал своей катастрофической неподготовленности во всех областях знаний, просто слушал, открыв рот. Профессор мне рассказал о том, как 13 марта 1918 года он с группой своих коллег по местному самоуправлению сидел на сцене Одесского оперного театра и рассуждал о возможных путях сохранения порядка после намечавшегося ухода большевиков до прихода новой власти. И тут кто-то из них говорит: "А что здесь делает Япончик?" И в самом деле, в зале был Мишка Япончик с охраной. Когда совещание закончилось и все начали расходиться по домам, бандиты прихватили с собой Илью Вениаминовича и отпустили его только через сутки.

Этот первый рассказ Шерешевского произвел на меня невероятное впечатление. Ведь до сих пор я думал, что подобные эпизоды и герои существуют только в художественной литературе. Но жизнь оказывается намного интересней, разнообразней и неожиданней.

С того памятного дня и до осени 1981 года, когда мы похоронили Илью Вениаминовича, наши беседы, в которых я исполнял роль "человека с открытым ртом", были довольно частыми.

Пришло время обратиться к биографии профессора Шерешевского. Основываюсь только на его рассказах. Конечно же, я мог кое-что подзабыть или неверно истолковать, поэтому заранее приношу извинения за возможные неточности.

Родился Илья Вениаминович в 1888 году и прожил 93 года. И умер только потому, что без слуха и зрения стало ему уж совсем неинтересно жить. Его отец был известным врачом и широко образованным человеком. Известно, что издательством Шермана в Одессе в 1913 году была напечатана "История евреев от древнейших времен до настоящего" Г. Греца под редакцией д-ра Вениамина Шерешевского.

Илья закончил 3-ю гимназию. Подрабатывая, давал уроки Эдуарду Дзюбину (Багрицкому). Окончил юридический факультет Новороссийского университета с золотой медалью за научную работу по римскому праву.

Еще до Октябрьской революции Илья Вениаминович успел проявить свои блестящие способности, участвуя в ряде громких процессов, и был направлен в Швейцарию на курсы по изучению новой тогда науки – криминалистики. Шерешевского всегда отличали способность в кратчайшие сроки изучить какой-либо раздел науки или иностранный язык и феноменальная память. Дружил он со многими известными в городе

людьми – актерами, журналистами, адвокатами, учеными. Активно участвовал в деятельности партии эсеров, общался с Керенским и Спиридоновой.

После Февральской буржуазной революции был назначен начальником Судебной милиции (уголовного розыска). В его подчинении работали студенты-юристы, будущие писатели и поэты, которых он старался уволить, и таким образом уберечь от этой опасной работы. В дальнейшем Илья Вениаминович занимался научной, преподавательской и адвокатской деятельностью, писал книги и статьи по специальности.

Во время Великой Отечественной войны по стечению обстоятельств остался в оккупированной немцами и румынами Одессе. После войны продолжил работу в университете и в коллегии адвокатов, где брался за самые "гиблые" дела. Ко времени нашего знакомства Илья Вениаминович занимался в университете только с дипломниками, которые своим невежеством и категорическим нежеланием что-либо изучать приводили его в полное недоумение.

В Одесском институте инженеров морского флота Шерешевский читал будущим капитанам дальнего плавания лекции по банковским операциям. Было ему тогда 85лет, и он продолжал поражать всех своей фантастической памятью и запасами знаний, испытывая, к сожалению, затруднения со зрением и слухом. Несмотря на это, благодаря жизненным правилам, выработанным еще до революции, Илья Вениаминович не давал себе никаких поблажек – много двигался, ходил пешком, работал.

Нужно сказать, что я старательно готовился к беседам с профессором: ходил в Дом ученых на заседания "Одессики", регулярно читал все краеведческие публикации в местных газетах, много беседовал с известным коллекционером В. К. Корченовым. Но зачастую моя подготовка все равно была недостаточной. Однажды, прочтя в "Новом мире" маленькое произведение А. Каплера и уверенно начав очередную беседу с вопроса "Илья Вениаминович, а Вы помните адвоката Бродского?", услышал:

– А какого Бродского Вы имеете в виду? Адвокатов Бродских было шесть.

И в таком положении я оказывался довольно часто. Вот еще несколько историй из жизни профессора Шерешевского.

После окончания учебы Илья Вениаминович повесил на дверях квартиры табличку "Присяжный поверенный И. В. Шерешевский" (в настоящее время эта табличка находится в экспозиции Одесского краеведческого музея) и, в ожидании предстоящих выступлений в суде, занялся пошивом фрака. Заказ по протекции был принят портным-швейцарцем в Пале-Рояле. В назначенный день Илья Вениаминович пришел на примерку. Надел фрак, подошел к зеркалу и онемел от восхищения. Портной, заметив это, спросил:

– Нравится?

– Да...

– К сожалению, я не могу его вам отдать.

– Но почему? Я же заплатил... Какое вы имеете право?

– Извините, но там есть дефекты, которые вы не видите. В таком виде я вам фрак отдать не могу. И не просите...

* * *

Однажды я застал Илью Вениаминовича сидящим перед листиком бумаги.

– Вы знаете, Валя, я решил проверить свою память – смогу ли вспомнить всех учеников нашего класса. Сразу вспомнил 21 из 26, а затем и остальных. Менялись ученики у нас не часто, так что я еще написал, кто вместо кого пришел. Точно помню, что у нас было 5 греков, 2 поляка, 4 немца, 2 еврея – это очень помогло. А на обороте я записал всех наших учителей.

Я взял этот листик бумаги – список учителей завершал Ганс-истопник. Когда же Илья Вениаминович мог в последний раз видеть кого-то из своих соучеников? Прошли войны, революции, эмиграции, 37-й год...

По дороге домой я мучительно вспоминал свой класс и, придя, бросился искать выпускной альбом.

* * *

Как-то в 70-х годах Шерешевский заболел. Все домашние всполошились – возраст уж очень приличный, и решили пригласить опытного врача с именем.

Врач подошел к плохо слышащему и плохо видящему пациенту и громко спросил: – Как вы себя чувствуете?

А профессор спросил:

– А как ваша фамилия? – и, услышав ответ, продолжил:

– Вы в 1927 году жили на Щепкина угол Преображенской? Вашего брата звали Шура? Мы были тогда у вас в апреле, нужно было зайти в парадную и подняться на третий этаж.

Старый врач лишь растерянно отвечал:

– Да... Да... Да...

* * *

Все, наверное, помнят рассказ Исаака Бабеля "Карл-Янкель". Илья Вениаминович рассказал мне аналогичную историю о процессе над "малыми хирургами" – медиками узкого профиля, исполняющими обряд обрезания.

В вину им ставилось, что этот обряд приводит к деградации личности. Все эксперты – выдающиеся одесские светила, в основном евреи, подтвердили справедливость обвинения.

Защиту вел известный дореволюционный адвокат. В своей речи он рассказал анекдот о человеке, который после долгих колебаний заказал что-то мясное во время поста. Начал есть – тут гром! Он поднимает голову и говорит: "Господи, из-за какого-то кусочка мяса столько шума!"

–Так вот, неужели из-за какого-то кусочка кожи столько шума? А насчет деградации, то неужели вы хотите сказать, что это касается и наших вождей Маркса, Троцкого, Свердлова, портреты которых висят в этом зале?

* * *

После войны в Николаеве состоялся процесс над нацистскими преступниками. Группе одесских адвокатов было поручено осуществлять на этом процессе защиту обвиняемых. Обстановка была очень накаленной. Адвокатов охраняли днем и ночью: их все ненавидели и могли побить вместе с фашистами. Шерешевский защищал генерала инженерных войск. Группу защитников по поручению обкома возглавлял юрист с кристальной биографией, который учил всех, проверял записи, проводил беседы. А когда начался процесс, выступил первым:

– Мы их звали? Нет, не звали! Так чего же они хотят? И все?. Пришлось одному из одесских адвокатов защищать двух нацистских преступников.

* * *

Однажды к Илье Вениаминовичу пришел человек:

– Я грек, меня высылают. Никто мне не может помочь. Посоветовали обратиться к Вам. Я директор гастронома на Дерибасовской, я не хочу уезжать. Мой отец был офицером царской армии, воевал за Россию, у меня не осталось ничего греческого, а теперь меня высылают...

Шерешевский вспомнил, что в 1914 году в какой-то газете был напечатан царский указ, что офицером может быть только русский подданный. Пошел в библиотеку, нашел эту газету и дал греку справку, которая и послужила доказательством того, что его отец был русским подданным, и он не подлежит выселению.

Благодарный грек долго ходил, желая каким-то образом выразить свою признательность Илье Вениаминовичу. Но тот признавал только официальную оплату через юридическую консультацию. Ввиду уникальности вопроса было разрешено принять двойной тариф – не один рубль, а целых два!

* * *

После реабилитации в Одессу из Сибири вернулась дочь репрессированного известного летчика Хиони. Она решила доказать право на дачу, подаренную ее отцу за большие заслуги советским государством. В коллегии адвокатов ничего не удалось добиться. Дело было в том, что дача принадлежала обкому компартии и теперь здесь отдыхал секретарь обкома Кириченко.

Но кто-то подсказал испробовать последний шанс и обратиться к Шерешевскому. В результате дело было выиграно, хотя представить себе такое даже сегодня невозможно.

* * *

После войны в нашем пароходстве было не так уж и много судов, тем более трофейных,

высокого класса, плавающих за границу. Среди них была "Победа", которая ходила в Европу. И вот однажды во время рейса из Александрии с большим количеством армянских репатриантов на борту произошел пожар, приведший к человеческим жертвам. Причина пожара была не установлена, вины вроде бы ничьей и не было. Но был один нюанс.

На теплоходе находился китайский маршал с дочкой, намечалась какая–то политическая игра. Дочь погибла в огне, а маршал скончался от сердечного приступа на месте.

Илья Вениаминович защищал капитана теплохода. Был приказ "сверху" – найти и наказать виновных! Что и было выполнено на процессе. Но вскоре шум поутих и наказания "виновным" были значительно смягчены.

* * *

Шерешевский ругал одного их своих студентов за незнание вопроса, а тот все время повторял:

– Я же читал...

– Сколько раз?

– Один.

– Этого мало.

Началось обсуждение, сколько раз достаточно прочесть, чтобы запомнить. Илья Вениаминович завершил дискуссию эффектным приемом. Он попросил одного из студентов открыть любую страницу учебника и четко, медленно ее прочесть. Что и было сделано. После некоторой паузы профессор повторил текст слово в слово.

Студенты, среди которых были и работники милиции, зауважали своего преподавателя.

* * *

И. В. Шерешевский намного пережил всех своих друзей. Я не встречал у него почти никого из его коллег или людей примерно его же возраста. Хозяева дома дружили с Анной Николаевной Дерибас (урожденной Цакни, бывшей женой И. А. Бунина), здесь же хранился и ее личный архив. Ходили слухи, что у Шерешевского хранятся письма И. А. Бунина к Анне Николаевне. В то время имя Бунина перестало быть запретным, и многие искали эти письма. Анна Николаевна скончалась в доме для престарелых, не оставив никаких материалов о Бунине. Скорее всего, этих писем не было вовсе или же они были давно уничтожены.

Довольно часто приходили две сестры Алексинские, третья сестра которых была героиней произведения Валентина Катаева "Юношеский роман моего старого друга Саши Пчелкина, рассказанный им самим". До последних дней они не могли понять, почему образы их отца и сестры, умершей в молодости, были так вероломно искажены, хотя и остались узнаваемыми? Неужели только потому, что во времена написания первого произведения с этими героями – "Зимний ветер", царский генерал и его дочь, как классовые враги должны были обладать соответствующими чертами?

Бывала в этом доме и Надежда Абрамовна Гродская, которой довольно много внимания уделил С. Боровой в своих "Воспоминаниях". Она была верным другом и регулярно навещала Анну Петровну после смерти Ильи Вениаминовича.

Часто заходил побеседовать с Шерешевским и его сосед – сотрудник университетской библиотеки Эрнст Андреевич Андронати.

И. В. Шерешевский прожил очень длинную и яркую жизнь. Он знал об Одессе почти все, помнил многих заметных людей. У знавших Илью Вениаминовича людей часто возникало желание записать его рассказы, но, к сожалению, никто этого так и не сделал. У многих создалось впечатление, что Илье Вениаминовичу почему-то это было неинтересно, хотя на вопросы он отвечал охотно и с удовольствием. Может, были в его жизни печальные эпизоды, возвращаться к которым не хотелось?

Своего профессора помнят все выпускники юрфака, коллеги по адвокатской и преподавательской работе. Добрым словом вспоминают этого человека в своих публикациях С. Боровой, Р. Александров, Е. Голубовский, одесские журналисты.

В литературном музее находятся его подарки – портрет Анны Николаевны Дерибас, альманах с дарственной надписью А. Фиолетова.

И снова я иду по улице Базарной...[1]

Матеріал наданий Смілянець І.П.

[1] Мигдаль Times №35. http://www.migdal.ru/times